Каас Патрисия

1.10.95

Сегодня. — 1995. — 1 окт. — с. 12

Маленький амурчик в обрамлении больших денег

Концерты Патрисии Каас в Москве

Марина Тимашева

Дикая давка перед входом в спорткомплекс «Олимпийский»: ох, рано встает охрана, а лучше бы хорошо работала. На билете-вкладыше написано: «Начало концерта в 19 часов». На глянцевой картоночке — «Начало в 19.30». Прочитанному не верить. Концерт начался в 20.00. В 19.00 кончилось шампанское в буфете — капитализм с социалистическим лицом. Делать нечего — придется час сидеть в ангаре, зато есть возможность оглядеться.

Над сценой в левом верхнем углу закреплена фигурка устремившегося к цели Амура (расстояние большое — поначалу он кажется ангелом), а по бокам развешаны [illegible] фирм-спонсоров: «Филипс», [illegible]реаль», «Кока-Кола» и «Марко Пол[illegible]»плюс «Европа-плюс».

Жертва Амура — мадмуазель Патрисиа Каас. «Этот спектакль-концерт рождается как история любви, в которой есть все — встречи, соблазн. Так все и будет!» У истории любви — масса нарядов. Патрисиа Каас любит модно и красиво одеваться — во время представления она меняет туалеты как перчатки (видимо, перчатки раньше были дешевле). За два отделения — пять или шесть перемен костюма. Концерт распадается на два отделения, хотя антракта нет. Первое представляет нынешнюю Патрисию Каас, второе — ее же образца 1991 года.

«Когда я приехала в Париж, я была очень скромная и робкая — и это стало моим имиджем на многие годы. Но теперь я изменилась, естественно, повзрослела, хочу соблазнять публику, хочу, чтобы тело мое заговорило».

Платье бордо (похоже, бархатное) оставляет руки и спину открытыми. Волосы уложены а-ля 40-е с небольшой стилевой поправкой на 90-е. Говорят, будто Патрисиа Каас станет исполнительницей роли Марлен Дитрих в кинофильме. По крайней мере сходство с Марлен есть — в высоких чуть азиатских скулах, узких губах и неожиданно посаженных глазах. Перед нами слегка надменная аристократичная дама. Позы статуарны и скульптурны — иногда в голову приходит сравнение со знаменитым портретом Марии Николаевны Ермоловой. Учтены особенности огромного пространства зала, лица видно не будет, значит, «лицом» должны стать фигура, поворот головы, жест. Поэтому время с[illegible] времени стоп-кадр: спиной к зрит[illegible] только руки движутся, как пт[illegible] кр[illegible]лья (кто видел П[illegible]лисецкую [illegible]ющем лебеде», серьезно на эти пластические попытки полета смотреть не станет). Или патетически вскинув руки над головой или простирая их к Амуру.

«Несколько лет назад я встретилась с актером, и из этой встречи родилась песня "Я говорю тебе Вы"». Патрисиа Каас старательно убеждает зрителей: ее песни и ее жизнь — одно и то же, ее переживания искренни. Песни Патрисии Каас пишут другие люди — вряд ли они встречались с тем же актером. Ну да ладно, интонации исповедальны, и публика верит. Тем более что безжизненно повисшая вдоль тела рука открытой ладонью обращена к зрителям — словно бы ищет их поддержки. Перед нами определенно лирическая героиня.

Как вдруг — смена образа. Видимо, от встреч переходим к соблазнам. Леди неожиданно задирает бархатный подол и поводит им вокруг колен — эдакое нерешительное подобие канкана. Забавная деталь, неуклюжая: в руке-то нужно держать микрофон — так что подол «работает» лишь на инструментальных проигрышах. Соединив этот эпизод с двумя композициями финала (даже музыкально похожими на Мадонну), приходим к выводу, что западная пресса ненапрасно прозвала Каас «французской Мадонной». Каас делает двусмысленные жесты, виляет бедрами, заигрывает поочередно с саксофонистом, гитаристом и басистом. Принципиальное отличие Мадонны от Патрисии Каас состоит в том, что Мадонна проделывает гораздо более «жесткие» штучки не напрягаясь, будто и не подозревая, что нарушает какие-то правила, табу и нормы. Для нее такое поведение естественно. А для Каас — нет. Ее намеки похожи на кукиш в кармане, от этого возникает ощущение неловкости, будто ты подглядывал за раздевающейся женщиной.

Слава Богу, эти номера не занимают большого места в концерте. Все возвращается на круги своя. Патрисиа Каас в белом платье и шали располагается на «диванчике» под белым покрывалом, рядом зажигается торшер. Очень уютно и красиво, напоминает булгаковские кремовые шторы и веет ароматом старинной культуры. «Мне хочется повезти вас с собой в турне. Мы много путешествуем, живем в гостиницах, сильно устаем», — говорит Патрисиа. Видно, что русскому особняк, то французу гостиница. Иначе почему возникает этот текст? К тому же при вспыхнувшем свете казавшееся льняным платье засияло что твоя парча, а шаль обернулась модным укороченным пальто.

Патрисиа Каас переходит ко второму отделению. В нем она исполняет хорошо знакомые композиции, хиты — репертуар, с которого началась ее слава. Во Франции с ее традицией шансона, с Ивом Монтаном, Шарлем Азнавуром

МИХАИЛ ГРУШИН

и Эдит Пиаф Патрисиа Каас запела американский ритм-энд-блюз. Во Франции, которая упорно не желает говорить на других языках, Патрисиа Каас запела по-английски и немецки. Наверное, это была целая революция. Требовалась куча энергии, нахальства, драйва. Когда мадмуазель поет блюз (название одной из самых известных вещей), все это сохраняется. Юбочка укорачивается, волосы рассыпаются по плечам — перед нами заводная девочка-подросток, прежняя Патрисиа Каас. В этом она естественна и неподдельна. Ведь приехала в Париж из маленького городка, в котором провела счастливое, но бедное детство. И когда она дразнит богатых («Посмотри на богатых»), она органична. И когда требует от бдительной охраны дать поклонникам подойти к сцене, и охрана вынуждена покориться — тоже хороша. (Отклоняясь от основной темы, замечу, что охрана через пять минут снова перекрыла все ходы-выходы да еще приволокла немецкую овчарку — та страшно выла и лаяла, ее вопли разносились эхом гулкого спорткомплекса. Новая бэк-вокалистка в составе ансамбля.)

В общем, танцующая рок-н-ролл девочка кажется соблазнительной, а сознательно стремящаяся соблазнить женщина — вульгарной.

И вот что еще важно. Я не знаю имени художника, который «рисовал» свет к концерту Каас. Но концерт стал спектаклем в основном благодаря этому человеку. Каас в ослепительном круге, будто она родилась из света, и луч, тянущийся ввысь, исходит из нее. Или: сверху на сцену падают красные шатры лучей, а белый проецирует на них тень певицы. Или: фиолетовые облака — томление ночи — клубятся и наливаются бирюзой — утренний печальный туман. Изумрудная зелень сталкивается с золотисто-коричневым, и в этом поединке разгорается и вспыхивает оранжевое пламя — страсть.

Свет разговаривает. Даже глухонемой будет знать, о чем поет Каас, упиваясь мистическим колдовским, одухотворенным светом. Прямо как в «Синей птице» Мориса Метерлинка.